

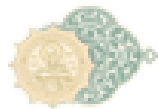

Къ вопросу объ отношеніи Библіи къ Вавилону.

Раскопки храма Бэла въ Ниппурѣ.

Пресловутая брошюра Делича о Библіи и Вавилонѣ, какъ-бы ни судили мы о ея достоинствахъ, безъ сомнѣнія, имѣла то важное значеніе, что возбудила живой интересъ къ затронутому въ ней вопросу и послужила причиной появленія обширной, поучительной литературы. Одной изъ наиболѣе интересныхъ новинокъ въ этой литературѣ является небольшая книга проф. Гильпрехта, подъ заглавіемъ „Раскопки въ храмѣ Бэла въ Ниппурѣ“. (*H. V. Hilprecht. Die Ausgrabungen im Bel-Tempel zu Nippur. Leipzig. 1903*). Съ содержаніемъ этой книги мы и намѣрены познакомить читателей.

Въ названной книгѣ мы имѣемъ краткое сообщеніе о результатахъ раскопокъ, производимыхъ въ области древняго Нипсура (нынѣшняго Нуффара) американской ученой экспедиціей, снаряженной Пенсильванскимъ (въ Филадельфіи) университетомъ. Сообщеніе свое авторъ начинаетъ передачей тѣхъ впечатлѣній, которыя производитъ на зрителя и изслѣдователя область древняго Вавилона. „Это, говоритъ онъ, по-истинѣ, страна гробовъ и молчанія. Простертая рука Божія тяготѣетъ надъ несчастною землею уже двѣ тысячи лѣтъ. Слово Исаи—*какъ упалъ ты съ неба, денница, сынъ зари! разбился объ землю, попиравшій народы* (14, 12)—звучитъ, какъ погребальная пѣснь надъ разсыпавшимися стѣнами Вавилона, отдается насмѣшливымъ эхомъ пророческаго проклятiя отъ упавшихъ башенъ и храмовъ Нуффара и Варки... Запустѣніе и безграничное разрушеніе, характе-

ризующія пылѣющую Вавилонію, таковы, что, хотя я въ послѣднія 14 лѣтъ многократно посѣщалъ эту страну, она все еще не перестаетъ производить на меня потрясающее впечатлѣніе. Отъ Акаркуфы на сѣверѣ до Корны на югѣ, гдѣ соединяются обѣ рѣки, страна выглядитъ такъ, какъ будто-бы здѣсь „Богъ ниспровергъ Содомъ и Гоморру“ (Ис. 13, 19; Іер. 50, 40). Безчисленные большіе и малые каналы, которые, подобно питательнымъ жиламъ, прорѣзывали во всѣхъ направленіяхъ богатую равнину и несли жизнь и плодородіе во всякую деревню и на всякое поле, давно уже засыпаны мусоромъ и землею. Не очищаемые усердными руками, не питаемые болѣе Тигромъ и Евфратомъ, они мало-по-малу совершенно были занесены пескомъ. По-исгинѣ, „засуха пришла на воды Вавилона, и онѣ изсякли“ (Іер. 50, 38)... Сказочное плодородіе Вавилоніи, можетъ быть, не исчезло совсѣмъ, но оно заснуло. Надъ ней исполнились слова: „тогда будетъ покоиться земля и удовлетворитъ себя за субботы свои“ (Лев. 26, 34). „Города ея сдѣлались пустыми, землею сухою, степью, гдѣ не живетъ ни одинъ человекъ“ (Іер. 51, 43). Почва сожжена, покрыта обломками и селитрой и во многихъ мѣстахъ занесена летучимъ пескомъ на 3—4 фута... Какъ ни мраченъ этотъ только-что начертанный образъ, онъ представляетъ одну и не самую поразительную сторону безутѣшнаго положенія современной Вавилоніи. „Какъ сдѣлался Вавилонъ ужасомъ между народами! Устремилось на Вавилонъ море; онъ покрытъ множествомъ волнъ его“ (Іер. 51, 41. 42)! Осенью и зимою Вавилонія подобна песчаной пустынѣ, а весною и лѣтомъ она становится въ большей части неудобнымъ для жительства болотомъ, настоящей пустыней воды или моря (Ис. 21, 1)... Въ періодъ ежегоднаго наводненія повсюду въ застаивающихся водахъ появляется роскошная растительность. Большія стаи птицъ съ блестящимъ опереніемъ населяютъ болота. Чернахи и змѣи путешествуютъ по проѣзжимъ дорогамъ, образуемымъ въ лагунахъ древними ка-

налами, и безчисленные маленькія жабы гнѣзятся въ тростникѣ, тихо шумящемъ отъ восточнаго вѣтра... Дикіе звѣри, кабаны и волки, гіены и шакалы, дикія кошки и, становящіеся въ послѣдніе годы все болѣе рѣдкими, львы населяютъ камыши или развалины. Здѣсь и тамъ возвышается изъ ядовитыхъ болотъ какой-нибудь болѣе значительный кусокъ земли, огражденный земляною крѣпостью, низкій островъ или уединенная гряда развалинъ, какъ нѣмой свидѣтель минувшаго величія... Бродячіе номады на сѣверѣ и югѣ, тушые обитатели болотъ въ центрѣ являются теперь наслѣдниками разрушеннаго царства Навухудоносора. Какой контрастъ между древней цивилизаціей и теперешнимъ вырожденіемъ! Нѣкогда, насколько достигалъ глазъ, роскошныя пальмовыя рощи, волнующіяся хлѣбныя поля, цвѣтущіе города и дома, страна, которую мы такъ охотно называемъ колыбелью человечества, а теперь—открытая земля Нодъ (Быт. 4, 16), куда убѣгаютъ дезертиры и преступники, страна запустѣнія и невѣжества, эльдорадо для разбойниковъ и убійцъ“ (S. 3—8).

Мѣстомъ раскопокъ, ведущихся американской экспедиціей съ 1889 г., являются собственно развалины *Нуффаръ*, представляющіе остатки древняго Ниппура (Халне въ землѣ Сеннаарской), одного изъ четырехъ городовъ въ царствѣ Нимрода. Эти развалины занимаютъ пространство въ 75 гектаровъ и состоятъ изъ группы значительныхъ холмовъ, имѣющихъ въ разрѣзѣ 10—18 метровъ высоты, и въ отдѣльных пунктахъ достигающихъ 25—30 м. надъ уровнемъ равнины. Большой, теперь высохшій, каналъ, имѣвшій нѣкогда 6 м. глубины и 50—60 м. ширины, раздѣляетъ развалины на двѣ равныя половины. Каналъ этотъ—древній Ховаръ, берега котораго были мѣстомъ таинственнаго видѣнія Іезекіиля. Высочайшій пунктъ развалинъ, холмъ, называемый арабами *bint el'amir*, представляетъ собою упоминаемую въ клинообразныхъ текстахъ башню древняго Ниппура *Imcharsag*,

а малые холмы заключаютъ остатки наружной стѣны города. Вблизи башни находятся развалины Экура,—древняго святилища Бѣла, важнѣйшую часть котораго составляла башня. Результаты, полученные отъ раскопокъ въ указанныхъ пунктахъ, оказались весьма богатыми. Кромѣ 23 тысячъ плитокъ, найденныхъ въ храмовой библіотекѣ и школѣ, въ западной части города собрано около 28 т. разныхъ дѣловыхъ документовъ изъ третьяго, второго и перваго тысячелѣтія (до Р. Хр.), а въ нижнихъ слояхъ развалинъ храма, отыскано до 2 т. исписанныхъ клинописью плитокъ до-саргоновской эпохи. Кромѣ того, раскопки доставили около 800 обломковъ вазъ, которыя оказываются особенно цѣнными источниками для реконструкціи древней исторіи Вавилона, много пограничныхъ камней, прекрасныя печати Саргона I и Нарамъ-Сина, глиняные цилиндры Самсу-Илуна, Саргона II и Ассурбанипала, актъ о постройкахъ царей изъ Ура, до 400 печатей изъ разныхъ Нишурскихъ промышленныхъ учрежденій, различныя, найденныя въ гробахъ, украшенія и предметы, множество серебряныхъ монетъ разныхъ эпохъ и проч.

Наибольшее вниманіе экспедиціи, при этомъ, привлекало самое зданіе храма Бѣла, имѣвшее двухтысячелѣтнюю исторію еще ко времени возвышенія Вавилона на степень столицы царства. Экспедиція заботилась о томъ, чтобы выдѣлить башню изъ массы прилегающихъ къ ней построекъ и отсюда уже опредѣлить составъ и характеръ всего храмоваго зданія. По словамъ Гильпрехта, экспедиціи пришлось преодолевать чрезвычайныя трудности и вслѣдствіе нездоровыхъ климатическихъ условий, и по причинѣ враждебнаго настроенія туземцевъ, и, въ особенности, вслѣдствіе неумѣнія арабовъ работать.

Въ развалинахъ Нишура Гильпрехтъ различаетъ 21 слой, хотя и не въ каждомъ пунктѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остатки 2-го тысячелѣтія лежатъ прямо на остаткахъ

до-саргоновскаго періода, въ другихъ онѣ отдѣлены другъ отъ друга слоемъ мусора въ 10—15 ф. толщины, въ нѣкоторыхъ же пунктахъ остатки древней цивилизаціи являются почти на поверхности. Отсюда слѣдуетъ, что нѣкоторые кварталы Ниппура цѣлыя столѣтія оставались незаселенными, тогда-какъ другіе почти непрерывно были заняты.

Указанные слои принадлежатъ, по мнѣнію Гильбрехта, тремъ періодамъ. Верхніе 6 слоевъ толщиною въ 6—24 м., принадлежатъ послѣ-вавилонскому періоду отъ 300 до Р. Хр. по 1000 по Р. Хр. Слѣдующіе 9 рядовъ въ 4½—6 м. толщины представляютъ семитско-вавилонскій періодъ и относятся ко времени отъ 4000 до 300 г. до Р. Хр. Самые же нижніе 6 слоевъ въ 6—9 м. толщины заключаютъ остатки до-историческаго и суммерійскаго періода и принадлежатъ пятому тысячелѣтію.

Изслѣдованіе верхнихъ слоевъ показало, что послѣ возвращенія Александра Великаго изъ Индіи и его преждевременной смерти во дворцѣ Навухудоносора на Евфратѣ, т. е. около 300 г. до Р. Хр. храмъ Бѣла пересталъ существовать, какъ святилище. Ниппуръ сталъ городомъ эллинистической культуры, которую можно прослѣдить по изображеніямъ на фризахъ, по головамъ медузъ, по вазамъ, чашамъ и пр. Новые боги съ ихъ чужеземными культами, очевидно, вытѣснили старые обычай и нравы, и на развалинахъ древняго храма поднялись грозныя укрѣпленія и дворцы. Послѣ прекращенія династіи Селевкидовъ, равнину Суммера и Аккада наводняютъ пареянскіе наѣзтники и подчиняютъ страну своему господству. Эпоха пареянская, съ ея смѣшанной культурой, состоявшей изъ элементовъ греко-римскаго и восточнаго, также, какъ показываютъ раскопки, отразилась на судьбахъ древняго святилища. Баина Бѣла была теперь расширена четырьмя обширными боковыми флигелями и превращена почти въ неприступную крѣпость. Ко-

лодезь глубиною въ 21 м. сталъ обезопасивать снабженіе водою. Надъ древнимъ входомъ въ храмъ была воздвигнута массивная башня, для защиты обитателей, а вокругъ крѣпости были расположены дворцы, наружныя стѣны которыхъ, въ 18 м. высоты и 9—12 м. толщины, находятся въ хорошемъ состояніи еще и въ настоящее время.

Кромѣ дворцовъ, остатками пареянскаго періода являются еще кладбища. Они встрѣчаются или подъ домами, или рядомъ съ ними. Это сводчатыя каменные постройки, въ которыхъ помѣщалось обыкновенно по нѣскольку гробовъ. Большинство этихъ гробовъ, имѣющихъ оригинальную форму низкаго башмака, а иногда двухъ вазъ, обращенныхъ другъ къ другу внутренней стороною, найдены разбитыми и разграбленными. Но одинъ изъ гробовъ сохранился въ цѣлости: въ немъ оказалось много золотыхъ украшеній.

Съ восшествіемъ династіи Сассанидовъ (226—643), какъ обнаружили раскопки, значеніе Ниппура окончательно упало. Пареянскіе дворцы обратились въ развалины, а новыхъ зданій уже не воздвигали.

Остатки второго періода, семитическо-вавилонскаго, занимають слой толщиною въ $4\frac{1}{2}$ —6 м. Для эпохи въ три съ половиной тысячелѣтія этотъ слой представляется ничтожнымъ; но это, по мнѣнію Гильпрехта, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что при постройкѣ новыхъ зданій мусоръ, образовавшійся отъ старыхъ построекъ, обыкновенно удалялся и почва выравнивалась. Въ указанномъ слое земли обнаружены остатки самаго храма Бэла. Хотя храмъ этотъ существовалъ нѣсколько тысячелѣтій и пережилъ нѣсколько реставрацій, однако размѣры его оставались всегда неизмѣнными. По вавилонскому воззрѣнію, реставрированное святилище только въ томъ случаѣ сохраняло свое значеніе, если новыя стѣны точно соотвѣтствовали окружности прежнихъ.

Храмъ Бэла или, какъ называютъ его клинообразные тексты, „Экуръ“, т. е. „домъ горы“, состоялъ изъ двухъ

дворовъ, которые не вполне пока откопаны. Оба двора были окружены массивными стѣнами и соединялись другъ съ другомъ монументальными воротами. Во внутреннемъ дворѣ раскопки обнаружили два главныхъ зданія,—вѣтвѣ башню, на вершинѣ которой было первоначально капище Бѣла, и вправо—„домъ Бѣла“, мѣсто пребыванія отца боговъ и его супруги, а также складъ священныхъ даровъ и мѣсто принесенія главныхъ жертвъ. Небольшая дверь позади башни ведетъ къ прилегающему открытому мѣсту. Вправо отъ названныхъ выше главныхъ воротъ находился домъ сокровищъ и храмовой архивъ, разграбленный эламитами. Между главнымъ храмомъ Бѣла и зданіемъ архива было много водоемовъ и долоритовыхъ вазъ, служившихъ, вѣроятно, цѣлимъ культа. На другомъ, южномъ дворѣ, находились, по мнѣнію Гильбрехта, капеллы тѣхъ божествъ, которые почитались на ряду съ Бѣломъ и Бѣлти. Изъ одной дощечки, найденной въ храмовомъ архивѣ, видно, что въ Нишпурскомъ святилищѣ были капеллы 24 божествъ. Число ихъ, впрочемъ, въ разныя времена было неодинаково. Южный дворъ служилъ мѣстомъ молитвы для паломниковъ, которые не допускались во дворъ внутренній.

Сколько этажей имѣла первоначально башня Бѣла, нельзя сказать съ увѣренностью, такъ-какъ въ періодъ парѣяскій въ ней были произведены значительныя измѣненія. Видно только, что первый этажъ, реставрированный въ послѣдній разъ при Ассурбанипалѣ, имѣлъ высоту болѣе 6 м.

Въ обоихъ храмовыхъ дворахъ при раскопкахъ найдено много разныхъ приношеній; но, къ сожалѣнію, это только жалкіе остатки того, что некогда было. Вторгшіеся въ Вавилонъ около середины 3-го тысячелѣтія эламитяне, какъ извѣстно, опустошили всѣ святилища Суммера и Аккада. Золото, серебро и особенно произведенія искусства были унесены въ Сузы, гдѣ многія изъ нихъ и найдены французской экспедиціей Моргана и Шейля; вазы же и раз-

ные нецѣнные дары, носившіе имена вавилонскихъ боговъ, были разломаны. Гораздо лучше сохранились многочисленныя обѣтные камни, счетныя листы и письма изъ временъ царей касситской династiи (2 тысячелѣтія). Нѣкоторыя изъ найденныхъ на приношеніяхъ надписей очень характерны. Такова, напр, надпись на одномъ топорѣ изъ окрашеннаго стекла: „Нази-Марутташъ, сынъ Куриганцу,—богу, чтобы онъ услышалъ его молитву, внялъ его моленію, принять его прошеніе о милости, оградилъ его жизнь и долгими сдѣлалъ его дни“; или другая, имѣющаяся на кружкѣ изъ лаписъ лазури: „богу Нинибу, своему господину, Кадашманъ Тургу, сынъ Нази-Марутташа, повелѣлъ приготовить кружокъ изъ лаписъ лазури и принесть въ даръ за сохраненіе его жизни“.

Изъ счетныхъ листовъ обращаетъ на себя вниманіе большая доска съ обозначеніемъ доходовъ храма, запись которыхъ велась, какъ видно, съ большою аккуратностью. Изъ памятниковъ искусства, найденныхъ на мѣстѣ дворовъ храма, замѣчательно туловище долеритовой статуи священника, относящейся къ періоду около 2700 до Р. Хр. Въ исполненіи статуи бросается въ глаза искусство въ передачѣ складокъ одежды, напряженія мускуловъ, ногтей на согнутыхъ пальцахъ.

Раскопки обнаружили, что цвѣтущимъ періодомъ вавилонской культуры былъ древнѣйшій—на рубежѣ пятаго и четвертаго тысячелѣтія. Наибольшій интересъ въ древнѣйшихъ слояхъ развалинъ представляютъ остатки библіотеки съ священнической школой при ней. Библіотека раздѣлена была на два отдѣла: вблизи канала помѣщался отдѣлъ разнаго рода дѣловыхъ документовъ, а близъ входа въ храмъ находился отдѣлъ религіозно-научный. Дѣловые документы, найденные въ библіотекѣ, касаются, главнымъ образомъ, равныхъ сторонъ широко развѣтлявшейся администраціи храма,—десятинъ и жертвенныхъ даровъ, строенія и ремонта

зданій, орошенія и засадки площади дворовъ, покупки и продажи животныхъ и рабовъ, приготовленія полатей, украшеній для статуй боговъ и пр. Изъ этихъ документовъ получается впечатлѣніе, что храмъ Бэла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не отличался существенно отъ извѣстныхъ вавилонскихъ большихъ фирмъ и торговыхъ домовъ, въ родѣ „дома Егиби и сыновей“ изъ временъ Навуходоносора, или Нишпурской фирмы „Мурашу сыновей“ изъ V-го столѣтія.

Болѣе важенъ отдѣлъ религіозно-научный. Глиняныя плитки лежатъ здѣсь въ безпорядкѣ, разбросаны по всѣмъ корридорамъ, при чемъ многія изъ нихъ сильно пострадали отъ сырости. Среди комнатъ, принадлежащихъ къ этому отдѣленію бібліотеки, особенно интересны классныя комнаты, въ которыхъ обучались разнымъ наукамъ и искусству писать на глиняныхъ дощечкахъ. Предъ нами развертывается здѣсь картина начальнаго обученія въ Нишпурской храмовой школѣ. Какъ видно, ученики прежде всего получали наставленія относительно приготовленія дощечекъ: множество не искусно сдѣланныхъ и не исписанныхъ дощечекъ свидѣтельствуе объ этомъ. Затѣмъ, какъ видно, приступали къ изученію простѣйшихъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ клинообразное письмо: сначала писали каждый элементъ отдѣльно, а потомъ всѣ три рядомъ. Послѣ преодоленія первыхъ трудностей переходили къ слогамъ, начиная съ простѣйшихъ. Сохранились образцы ученическихъ упражненій, причемъ на одной дощечкѣ, писанной начинающимъ, мы имѣемъ и указаніе на успѣхи учениковъ: въ пяти строкахъ сдѣлано четыре ошибки.

Обучали въ Нишпурской школѣ и рисованію. Сохранился рядъ дощечекъ, на которыхъ начерчены прямыя и кривыя линіи, круги и разнаго рода фигуры,—очевидно, первые опыты рисованія. Далѣе приступали къ рисованію

съ натуры, къ рельефнымъ изображеніямъ, гравированію и вырѣзыванію печатей.

Изъ другихъ указаній видно, что въ школѣ обращалось вниманіе на разныя математическія и астрономическія вычисленія, на умѣнье измѣрять поверхность полей, садовъ и каналовъ.

Найдено также въ библіотекѣ много писемъ,—въ томъ числѣ одно, задѣланное въ особый конвертъ, запечатанное печатью и адресованное нѣкому Луштамару, но не отправленное по какимъ-то обстоятельствамъ.

Что касается множества религіозныхъ, міеологическихъ и астрологическихъ текстовъ, то этотъ матеріалъ еще не раскопанъ и не достаточно обследованъ.

Нижніе слои развалинъ принадлежатъ до-историческому или суммерійскому періоду. Отличительной чертой постройки этого періода является употребленіе прямоугольныхъ кирпичей съ плоскою нижней поверхностью и съ выдѣланной сводомъ верхней. Связующимъ матеріаломъ, согласно съ библейскими указаніями, является земляная смола (Быт. I). Къ числу достопримѣчательностей древнѣйшаго періода исторіи Нишпура принадлежитъ, прежде всего, обнаруженная раскопками искусная и необыкновенно прочная система дренажа, которой пользовались въ храмѣ. Затѣмъ въ раскопкахъ найдены замѣчательныя по изяществу исполненія голова козла съ завитыми рогами и мраморная голова суммерійца. Въ послѣдней обращаетъ на себя вниманіе искусство, съ которымъ сдѣланы глаза: бѣлая часть яблока выдѣлана изъ раковины, зрачекъ изъ темнаго камня, вѣки и брови обозначены серебромъ. Остатки подобныхъ же изящныхъ произведеній суммерійской эпохи обнаружены и за предѣлами храмовой стѣны.

Опредѣляя, на основаніи собранныхъ археологическихъ данныхъ, значеніе Нишпурской башни, Гильпрехтъ говоритъ слѣдующее: „Первое изъ ея четырехъ названій *Имхарсаг*

гора вѣтра, обозначаетъ ее, какъ мѣсто, на которомъ возсѣдаетъ богъ (en) вѣтра (ilil), бури и молніи, т. е. *Энлилъ*, позднѣе отождествленный съ семитическимъ *Беломъ*, откуда онъ посылаетъ на землю свои громовыя стрѣлы, съ которыми онъ часто изображается. Какъ оракулъ для людей, башня называется *Эсагамъ*, домъ рѣшенія. Какъ спускающаяся глубоко въ подземную область, гдѣ, по суммерійскому воззрѣнію, живутъ въ адѣ души умершихъ, и вблизи которой, поэтому, погребали умершихъ, башня въ одной надписи называется *Эмгуни*, домъ гроба. Четвертое имя называетъ ее *Дуранки*, связь неба и земли. Такимъ образомъ, многоэтажная башня есть не что иное, какъ выраженіе космическо-религіозной идеи, какъ представленіе мифологической горы боговъ, которая, по мнѣнію навидонянъ, находится на далекомъ сѣверѣ и поднимается изъ преисподней до самаго неба,—родъ Олимпа, на которомъ родились боги, какъ дѣти *Бала*“.

Окидывая, далѣе, взоромъ судьбу Нишпурскаго храма и отражающійся въ ней ходъ всей вавилонской исторіи, Гильпрехтъ утверждаетъ, что это есть исторія постепеннаго вырожденія во всѣхъ областяхъ жизни. Въ теченіе ряда вѣковъ выродилось древне-суммерійское искусство и наука. Хотя для Вавилона и наступали эпохи ренесанса, напр., при Хаммураби, Ассурбанипалѣ и Навухудоносорѣ, но въ сравненіи съ высокоразвитой культурой на рубежѣ 5 и 4 тысячелѣтій, это была только „поросль давно миновавшихъ временъ самостоятельнаго творчества“.

Подобный же процессъ вырожденія усматриваетъ Гильпрехтъ и въ исторіи вавилонской религіи. Суммерійскій пантеонъ,—изъ котораго замѣтно выступаетъ троица боговъ Ану, Энлила и Энки, и особенно Нишпурскій Энлилъ, „отецъ“ и „царь“ боговъ,—при семитическихъ завоевателяхъ Вавилоніи былъ значительно расширенъ. Цари, какъ Саргонъ, Нарамъ-Синъ, Гудеа, Дунги и многіе другіе, стали провозглашать себя богами, строить въ честь себя храмы и основывать

культы. Пирамиды Ниппура, Ларсы, Сиппара, Вавилона и другихъ городовъ, имѣвшихъ когда то значеніе „союза неба и земли“ (Дуранки), „основанія неба и земли“ (Темепанки), стали гробницами Бѣла, Шамаша, Мардука. Вся великая нація съ ея блестящимъ наслѣдствомъ отъ первоначальной цивилизаціи, съ ея удивительными дарами, съ ея духовной зрѣлостью—погибла, такимъ образомъ, съ исповѣдью на устахъ: *наши боги мертвы*. Хотя эти боги возвращаются на землю съ наступленіемъ весны, но плачь о ежегодной смерти ихъ составляетъ важную часть ихъ культа, и могучія башни, называемыя гробами боговъ, придаютъ вавилонскимъ храмамъ характерныя черты усыпальницъ.

На послѣднихъ страницахъ своей книги Гильпрехтъ останавливается на вопросѣ объ отношеніи Библіи къ Вавилону и высказываетъ нѣсколько мыслей, навѣянныхъ на него видомъ развалинъ Ниппура. „Можемъ-ли мы“, спрашиваетъ Гильпрехтъ, „предъ лицомъ такихъ фактовъ и безпристрастныхъ находокъ, ожидать изъ Вавилона *новаго неба*, вспомогательнаго средства для устраненія *откровеннаго характера* ветхозавѣтной религіи и исключительности представленія Израиля о Богѣ. Исаія пророчествовалъ (21, 9): „падеъ Вавилонъ, и всѣ идола боговъ его лежатъ на землѣ разбитые“, что значить, въ переводѣ на языкъ клинообразныхъ свѣдѣтельствъ Вавилонянъ: боги умерли и погребены. Такимъ образомъ, Вавилонъ и Библія удивительно соглашаются въ этомъ существенномъ пунктѣ. Какъ, напротивъ, гласить собственное исповѣданіе вѣры Израиля: „не дремлетъ и не спитъ хранящій Израиля“ (ис. 120, 4); „слушай, Израиль, Господь Богъ твой есть Богъ единъ“ (Втор. 6, 4); „такъ говоритъ Господь, Царь Израиля и Искупитель его, Господь Саваоѣ: Я первый и Я послѣдній; и кромѣ Меня нѣтъ Бога“ (Ис. 44, 6)! Вавилонскіе боги, какъ и другіе существа и предметы, возникли въ міровомъ процессѣ... Поэтому совершенно послѣдовательно поступили вавилоняне,

заставивъ ихъ въ концѣ концовъ опять умереть. А по библейскому воззрѣнію, Богъ создалъ въ началѣ небо и землю, и Духъ Божій, какъ вѣчно существовавшій, а потому и вѣчно сущій, носился надъ водами... Пусть въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ ветхозавѣтный народъ имѣетъ всѣ признаки извѣстной расы и времени, пусть онъ носитъ глубокіе слѣды чуждыхъ вліяній изъ Вавилоніи, Ассиріи, Аравіи, Египта и другихъ странъ: все-таки чистый монотеизмъ и совершенно оригинальное пророчество,—этотъ голосъ никогда не засыпавшей всецѣло народной совѣсти,—составляютъ обширную пропасть, зіяющую между Израилемъ и народами древняго языческаго міра. Мы по праву стремимся всѣми, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи, средствами строгой науки раскрыть тайну, которая отрѣшаетъ ветхозавѣтный народъ отъ исторической связи и дѣлаетъ его чудомъ среди народовъ. Но я вѣрю, что путь къ познанію ея и къ истинѣ „ведетъ не чрезъ Вавилонъ“.

Краткое сообщеніе Гильпрехта о Нишпурскихъ раскопкахъ даетъ основаніе въ недалекомъ будущемъ, когда результаты раскопокъ приведены будутъ въ полную извѣстность, ожидать многихъ новыхъ фактовъ изъ исторіи Вавилона, а слѣдовательно, и новыхъ выводовъ касательно отношенія Вавилона къ Библіи. Будемъ ждать и надѣяться.

Вл. Рыбинскій.